

Слухи и сплетни всю жизнь преследовали меня

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

СУДАЧИЛИ и о моих якобы дружеских отношениях с Хрущевым. А всего-то лишь один только раз виделась с ним на его юбилее в Георгиевском зале Кремля. Я пела в сопровождении Шалаева и Крылова «Течет Волга» и в конце песни, обратившись к нему, пропела: «А вам 17 лет». На что Хрущев, повернувшись к окружающим с довольной улыбкой на лице, заметил: «Вот Зыкина сказала, что мне 17 лет и можно еще работать и работать вместе со всеми вами!». Правда, не удалось ему поработать - вскоре сняли.

СФУРЦЕВОЙ нас тоже соединяли и разъединяли по поводу и без повода. Боже мой, сколько же грязи вылило на покойного министра культуры СССР, занимавшего пост целых четырнадцать лет! Какими только эпитетами не награждали ее инные авторы статей, вышедших после ее смерти: и неграмотная дура-баба, и пьяница, и психопатка, и лидер «уничтоженной, порабощенной культуры», как утверждает один из нынешних театральных критиков. Очевидно, этому критику неведомо, что советские молодые артисты времен Фурцевой, участвуя в международных конкурсах и фестивалях, завоевали почти сотню первых премий (не говоря об остальных наградах), став лидерами в мировом искусстве. В пору пребывания Фурцевой на посту министра в стране насчитывалось 360 тысяч библиотек, 125 тысяч клубов и дворцов культуры! В какой еще стране можно было найти такое богатство и как выглядело оно теперь?

В феврале 1996 года я услышала по радио новость: Эрмитаж отдал голландцам две картины Рембрандта за ремонт протекающего потолка. Не кошунство ли? Императрица Екатерина II, приобретая шедевры для украшения национального достояния, вероятно, и мысли не допускала, что оно, это достояние, будет истощаться, совершенно не подчиняясь рассудку потомков. Екатерина Алексеевна, будь она ныне министром культуры, не позволила бы Эрмитажу отдать сокровища при любой ситуации в экономике. И добила бы своего, чего бы это ей стоило.

Она могла просить, спорить, убеждать, находить решение в любых, самых сложных ситуациях. «Если бы не энергия Екатерины Алексеевны», - говорил на ее похоронах Евгений Евтушенко, - «песня на мое стихотворение «Хотят ли русские войны» никогда бы не увидела свет. Обвиняли в нацизме».

Давление партийной элиты, ее спрос и требования порой переключались через край, и тут она становилась бессильной. И все же она не сдавалась, находила силы.

Талант ее сказывался во всем, в том числе и в умении общаться с творческими людьми, натурами сложными, противоречивыми, своеобразными. Она, например, буквально боготворила Г. Вишневу. Помогала ей в присвоении звания народной артистки СССР, давала рекомендации в зарубежные поездки, тогда как другие ждали

годы; в 1971 году подписала представление о награждении орденом Ленина (в компании с И. Архиповой и А. Огнине-вым).

Только по злому умыслу или из конъюнктурных соображений люди могут осквернять память о Фурцевой - теперь о покойниках говорят все, что заблагорассудится, особенно о тех, у кого был партбилет. Мои встречи с Фурцевой также не дают покоя некоторым новоявленным обзорователям (так и хочется написать - «обосревателям»), делающим в своих омерзительных публикациях безапелляционные выводы.

С Екатериной Алексеевной я познакомилась в начале 60-х на декаде искусств Российской Федерации в Казахстане. Помню, сидели за столом, и после «Ивушки», которую я спела, Фурцева воскликнула: «Так вот вы какая, Людмила Зыкина!» А когда делтели об- ратно, она поинтересовалась, как буду добираться из аэро- порта домой, есть ли у меня машина. Я ответила, что есть, хотя в те годы у меня ничего еще не было.

Я стеснялась ее, особенно первое время, да и потом мы никогда не были в приятель- ских отношениях. Мы с ней были разного возраста, и она мне сокровенного не доверя- ла, а же с ней могла посовето- ваться, но никогда о чем-либо значительном не просила. Я и сейчас прекрасно знаю свое место, всегда и везде.

Иногда я встречалась с Ека- териной Алексеевной на фести- валах, Днях культуры, правительственных концертах. На последних я старалась петь песни героико-патриотиче- ские, хотя мне удавались больше лирические. Я счита- ла, что на такого уровня пред- ставления не следовало вда- ваться в лирику, пока однаж- ды Фурцева не спросила:

- Люд, почему бы вам (она всегда обращалась на «вы») не исполнить «Ивушку» Григория Пономаренко? Она у вас, ка- жется, неплохо получается?

- Ой, Екатерина Алексеев- на, - отвечала я, - как хорошо, что вы подсказали. У меня давно такое желание созрело, да все никак не решалась...

ФУРЦЕВА никогда не пыталась кого-то оби- деть, а если такое вдруг случилось, страшно пережи- вала и обязательно извинялась за допущенную бестактность или ошибку.

Как-то Екатерина Алексеев- на навещала в больнице мужа - Н. Фирюбина и на лест- нице встретила Жукова. Подо- шла и сказала: «Георгий Константинович, простите меня, я очень плохо по отно- шению к вам поступила и по- стараюсь вину свою искупить». (В 57-м году по поруче- нию Хрущева Фурцева проводила расследование «персо- нального дела» маршала и вы- ступала против него на плену- ме ЦК КПСС.) А Жуков гово- рит: «Катя, это такие мелочи, о которых не стоит вспоми- нать».

Я много раз выходила из ее кабинета в слезах, но доволь- ная. Только любящий человек может сказать в глаза правду. Потому что хочет добра.

Я долгое время получала ставку в 16 рублей за концерт, и в один прекрасный момент в дирекции «Москонцерта» мне сказали, чтобы я написала за- явление с обоснованием по-

«Вот Зыкина сказала, что мне 17 лет!»

вышения ставки, т.е. с учетом количества концертов, репер- туара, гастролей и т.п. Дирек- тор написал письмо В. Кухар- скому с перечнем фамилий артистов, которым следовало повысить зарплату.

- Как? У тебя столько всего за плечами и ты получаешь 16 рублей без надбавок? - удивил- ся замминистра при встрече.

- Совершенно верно, - отве- чала я.

И когда Фурцева узнала о нашем разговоре, она с оби- дой спросила:

- Неужели вы, Люд, не мо- ги ко мне обратиться?

- Не могла. С моей стороны такая просьба выглядела бы бестактной.

В 1964 году Ростропович ле- жал в больнице с кровооче- щными венами. Фурцева под- няла на ноги всю медицину в поисках препаратов, чтобы ускорить процесс выздоровле- ния музыканта, не раз ездила к нему в больницу.

Однажды она обратилась ко мне с просьбой поехать вместе в больницу, где лечилась А. Тарасова и Г. Отс, известней- шие артисты.

- Я с удовольствием поеду, только удобно ли?

- Удобно, удобно, - отвечала Екатерина Алексеевна.

- Надо за цветами захватить.

- У меня уже есть цветы.

Но я все равно купила еще два превосходных букета, и мы отправились в клинику. Если бы кто слышал, с какой теплотой говорила Фурцева обоим таким нужным, «высве- чивающим» слова! Я слушала, и у меня слезы навертывались на глаза.

Екатерина Алексеевна уме- ла успокоить любого челове- ка. У танцовщицы из ансамбля «Березка» возникли трения с руководителем Надеждой На- деждиной. И они пришли жа- ловаться.

- Таких, как Надеждина, больше нет, - сказала им Фу- рцева, - таких, как вы, много. И давайте вместе искать пути вы- хода из создавшегося положе- ния.

И она нашла такие слова, что посетительницы вышли из кабинета буквально растро- ганные, вполне удовлетворен- ные оказанным приемом.

Она могла убедить кого угодно. Однажды Лена Коган подвозил меня на своем «Пе- жо», и очень мне авто понравил- ось. Накопила денег, пошла на иномарку тогда со- ставляла двести процентов, и, чтобы ее не платить, требова- лось разрешение Министерст- ва культуры. Пошла к Фурце- вой.

- Я уже столько лет работаю.

Может, разрешите купить за- граничную машину?

- Какую машину?

- Да вот «Пежо»...

- Вы что, Люд, в «Волге» уже разочаровались? Вам наша «Волга» уже тесная стала, не нравится?

- Да что вы, Екатерина Але- ксеевна, нравится, но просто все стали ездить на иномар- ках.

- А я не хочу вас видеть в за- граничной машине. Вы - рус- ская певица. Лучше купите дру- гую «Волгу».

Так я двадцать пять лет отъ-

Ни одного из моих бывших супругов мне не в чем упрекнуть - они были замечательные люди.

ездила на «Волге» и лишь не- давно пересела на «Шевроле».

Она была красивой женщи- ной, постоянно за собой сле- дила. Играла в теннис, бегала. И меня не раз упрекала за то, что я начинала полнеть. «Пе- вица вашего уровня должна быть точной!» Одевалась с большим вкусом - в этом ей помогла Надя Леже, с кото- рой Екатерина Алексеевна дружила. Некоторые модели ей сделал Слава Зайцев.

В часы от- дыха она лю- била порыба- чить, любила попариться в ба- не. Любила рыбец под пиво, ред- ко принимала рюмочку водки. И я ни- когда не видела ее пьяной. В ба- ню ходили вдвоем: Ека- терина Алексеевна и две женщины, ее давние зна- комые, кажется, инжене- ры. С моей приятельницей Любой Шалаевой мы посеща- ли «Сандуны» и, не помню точно, в каком году, примкну- ли к этой троице - Люба, как оказалось, была знакома с Фурцевой. Судьбе было удо-бно, что и последняя наша встреча, накануне ее смерти, 24 октября 74-го года, состоя- лась в бане. В половине седь- мого разошлись. Я пошла до- мой, готовиться к поездке в Горький, мне предстояло вы- ступить в концерте, Екатерина Алексеевна в этот вечер долж- на была присутствовать на банкете в честь юбилея Мало- го театра. После банкета Фу- рцева мне позвонила, голос ти- хий, усталый. «Люд, - гово-

рит, - я вам что звоню: вы же сами за рулем поедете. Пожалуйста, осторожнее!» Узнав о том, что Н. Фирюбин еще остался в Малом, я спросила, не прие- хать ли мне к ней.

- Нет-нет, я сейчас ло- жуся спать, - ответи- ла она. На этом наш разговор окончился.

В пять утра я уехала в Горький, а днем мне сообщили о ее смерти. Я вернулась. До моего сознания случившее- ся не доходило. Мне сказали, что что-то с сердцем... Я знала о том, что у них с мужем были неладья, в по- следнее время они ссо- рились. Но что дойдет до такой степени (Фурцева покончила жизнь самоубийст- вом. - Прим. ред.), да- же не предполагала. У гроба я пела песню- плач:

Ох, не по реченьке ле- бедушка

все плывет.

Не ко мне ли с горя матушка моя идет?

Ты иди-ка, иди, мать родимая,

Ко мне,

Да посмотри-ка ты, мать, На несчастную, на меня...

Все плакали... Она ведь бы- ла близким и очень дорогим человеком...

ЛЮБИТЕЛИ сплетен втирали очки неблы- щами о том, как Зыки- на, минуя преграды, проба-

лась в партию. Опять же Хру- щев помог, или Косыгин, или Фурцева... Дескать, как же так, известная певица, участ- ница всех партийных торже- ств, лауреат Ленинской премии и не член КПСС?

Действительно же лишь то, что меня раз пять или шесть приглашали, чтобы я подумала над заявлением о приеме в партию, но мне было не до партии - считала членство в ней необязательным для деятеля культуры. В один из моментов я уж было согласилась, но муж возразил: «зачем тебе вступать в партию? Ты что, будешь лучше петь с партби- лем?»

Возразить было нечего, и с тех пор я уже не возвращалась к этой теме.

Наслышавшись я пересудов и о мужьях, с которыми меня сводили и разводили. Одна- ко ни одного из моих быв- ших супругов мне не в чем упрекнуть - они были замечательные люди. Когда-то в Дели мне индус нагадал, что с мужем разойдусь... Он ока- зался провидцем, и противо- поставить року было нечего. Я ни о чем не жалею.

Случалось в жизни не раз и не два, когда моим именем пользовались проходимцы. В 1965 году некто И. Рахлин, режиссер Московского теат- ра массовых представлений, в течение длительного вре- мени обманывал публику. Огромный интерес к пред-

ставлениям подогревался афишами с обещаниями по- слушать и увидеть «живьем» мастеров эстрады - Шуль- женко, Бернеса, Мартинсо- на, Филиппова, Федорову. Люди шли на концерты семьями, заполняя трибуны стадионов. В Донецке «мое» выступление значилось пер- вым. На поле выпустили от- даленно похожую на меня женщину. Неслась и разли- валась мелодия «Ивушки», как оказалось, записанная на ленту. Услыхав знакомый голос, зрители зааплодиро- вали. Но нашлось немало и таких, кто прихватил бинок- ли. Стадион, обнаружив об- ман, сначала затих, а потом стал слышен ропот. Нес- колько мужчин выскочили на поле, подбежали к ново- явленной Зыкиной, стащили ее с насмешкой оскороенной эс- трады и под свист увели прочь.

Аферы практиковались и в других городах. О них мне рас- сказывала К. Шульженко.

Обидно, возмущалась она, - что зрители связывают

твое имя с махинациями адми- нистрации этого, с позволения сказать, театра.

В сентябре 1972 года весть о моем приезде в Чимкент рас- пространилась с быстротой молнии. Старший кассир фи- лармонии Сабирова вмиг ста- ла самым популярным в горо- де лицом. Ей звонили знако- мые и незнакомые. Приходи- ли общественные распросто- рители. И все с просьбой: «устроить» билеты на концерт. Сабирова старалась никого не обидеть. Кассир бойко торго- вала билетами, и с выручкой был, что называется, полный «ажур». Но на душе кассира ажур не было. Ее тревожила мысль: а вдруг певица не при- едет? Ведь устное распоряже- ние директора филармонии Манукяна: «Расписывай би- леты на концерт оркестра имени Осипова и говори, что будет петь Зыкина», как гово- рится, к делу не пришьешь.

Все шло гладко, пока не по- явились объявления в мест- ной газете о концерте оркес- тра имени Осипова с солистом Харитоновым. И снова кассир выдержала натиск зрителей, на этот раз возмущенных об- маном. И расхлебывать все ей пришлось в одиночку. Приказ директора был категоричен: билетов назад не принимать.

Если бы я могла знать, в ка- ких недостойных целях было использовано мое имя! Эта история оскорбительна и для осиповцев, коллектива, про- славившего русское искусство во многих странах.

Дирекция филармонии ква- лифицировала происшествие как слухи, к которым она, ди- рекция, не причастна. «Лов- кий ход» сошел директору с рук, и через некоторое время все и вся успокоилось.

К сожалению, такие приме- ры встречались нередко.

ЗА полвека жизни в пес- не я получила сотни ты- сяч писем от людей, просящих содействия в реше- нии важных, не требующих отлагательства вопросов. Как могла, помогала: посылала деньги, доставала лекарства, сокращала хлопоты в приоб- ретении инвалидных колясок, жила, в предоставлении за- служенных льгот и т.п. Неред- ко люди, пользуясь моей до- верчивостью, обманывали меня. Однажды пришло письмо из Омска от женщины, якобы прикованной к постели. Ав- тор сообщала, что она бедна, имеет на иждивении больную мать и не в состоянии купить необходимое, не говоря уж о каком-нибудь захудалом теле-

визоре. Я немедленно позво- нила знакомому директору филармонии, договорилась о покупке телевизора и доставке его. Вскоре поехала в Омск и в первый же день отправилась навестить тяжелобольную. Дверь оказалась закрытой. Соседи сказали, что адресат на работе. «Слава Богу, выздо- ровела», - подумала я с облег- чением.

- А как со здоровьем у Ва- лечки? - спрашиваю соседку, очень похожую на Наталью Крачковскую, только постар- ше. - Она поправилась?

- Да вы что?! Она и не боле- ла.

- А мама?

- Праксovia Петровна? Жи- вет в отдельной квартире и на здоровье не жалуется. Недавно зубы вставила, шубу приобрела. Обмывали. Да вы подождите. Скоро кто-нибудь явится...

И в самом деле, «тяжело- больная» вскоре пришла. Ме- ня поразила наглость, с какой она оправдывалась:

- А что особенного? У меня денег не хватает. Задумала на- писать, авось выпорит...

...Гастроли с ансамблем Ро- мана Мацкевича по городам Сибири я заканчивала в Бар- науле. Едва вышли с Мацке- вичем из гостиницы, как отку- да ни возьмись выросла жен- щина с тремя детьми - двое малышей на руках, третий, лет шести, держался за подол. «Я, - говорит она мне, - вышла только из тюрьмы. Попала ту- да вместе с мужем. Вот детей в летнем отдели, а нужно ехать к родителям в Курскую об- ласть, на родину. Денег на би- леты нет».

- Слушай, Роман, - обраща- юсь к музыканту, - попроси администратора купить биле- ты, чтобы им побыстрее уе- хать, а я потом расплачусь.

Дня через три снова вижу эту женщину с ребятами око- ло местного универмага.

- Вы что же, билеты не ку- пили? - спрашиваю Мацкеви- ча.

- Купили. Вместе с ней на во- зкал ездили.

Я пошла.

- Почему не уехали?

Та лениво отвечает:

- А мы не собирались уез- жать. Придумала я с билетами. Сдала их и деньги получила. Так бы вы денег и не дали...

...Десятилетия я шефствова- ла над детдомом в Ульяновске. Организовывала концерты, покупала книги, тетради, сла- досты... Годы шли чередом, пока мне не сообщили, что весьма существенное из того, что привозила в детдом, раз- воровывалось. Безразличное действие меня сначала ошарашило, и я укротила пыл на некоторое время. Потом не вытерпела, возобновила по- ставки в прежнем ритме. Сколько благодарных писем я получила от бывших детдо- мовцев! Слава Богу, почти все имеют образование, работа- ют, не жалуется на судьбу, как это часто бывает. Вряд ли они знали, что их порой обма- нывали, не все на самом деле было честно со стороны тех, на кого возложена миссия де- лать людей лучше.

ВСЯКОГО я насмотре- лась за долгую жизнь рядом с песней. Не об- ходилось и без разочарова- ний. Но во мне жила и живет надежда, что красота дейст- вительно спасет мир. Думаю, в понятие красоты Достоев- ский включал и совесть, о ко- торой часто забываю.

Эти воспоминания Людмилы Зыкиной войдут в ее книгу под названием «Течет моя Волга». Книгу готовит в свет изда- тельство «Новосты».

Екатерина Фурцева (в центре) с Майей Плисецкой и Надеждой Леже.